

«Русская речь» уже знакомила читателей с некоторыми материалами расширенного совещания Научного совета по лексикографии и лексикологии Отделения литературы и языка АН СССР, которое состоялось в апреле 1972 года. На совещании обсуждался проспект нового много-томного академического словаря русского языка. В № 5 нашего журнала за 1972 год были опубликованы выступления на совещании писателей Ф. А. Абрамова и Л. В. Успенского. В редакцию поступают отклики на эти публикации. Читатели просят рассказать подробнее о совещании, в частности о том, каково мнение ученых о будущем новом словаре.

В этом номере мы публикуем стенограмму выступления академика Д. С. Лихачева.

О СЛОВАРЯХ И СЛОВАРНИКАХ

Прежде всего я хочу согласиться с Ф. А. Абрамовым (см.: «Русская речь», 1972, № 5.— *Ред.*), что мы присутствуем при историческом событии — закладке нового большого словаря русского языка. Словари вообще — показатели культуры не только языка, а общей культуры народа, и поэтому это событие действительно очень важное и значительное. Важны не только словари, но и сама словарная работа в стране. Она должна вестись непрерывно, постоянно, должна быть преемственной. Я очень удовлетворен тем, что руководители Словаря, получившего Ленинскую премию, решили не останавливаться на прежних достижениях, не настаивать на простом переиздании Словаря, а начали работу над словарем новым. Это очень мужественный гражданственный поступок, потому что легче всего, конечно, отстаивать свои прежние завоевания и почить на лаврах (как часто делают многие ученые после переломного возраста, после 50—60 лет). Это заме-

чительно, и я хотел бы приветствовать наших инициаторов как настоящих ученых, для которых словарная работа имеет важное, внутреннее значение.

Мне хочется подчеркнуть, что я отнюдь не против переиздания. Нужно помнить о необходимости переиздавать старые словари, улучшать их, но ведь есть словари, которые с самого начала не могут быть рассчитаны на переиздание. Однотомники, двухтомники, четырехтомники — это тип словаря, который нужно совершенствовать. Четырехтомник, вышедший под редакцией А. П. Евгеньевой, с моей точки зрения, нужно переиздавать, перерабатывать каждые пять лет, — так, как делается, скажем, в Англии или во Франции в отношении словаря Вебстера, оксфордских словарей разного типа, которые постоянно совершенствуются и постоянно переиздаются. Это один тип словарей. Переиздавать же 17-томный Словарь, я думаю, не стоит, потому что переиздание его должно сопровождаться такой сильной переработкой, что нужно фактически делать новый словарь. Это не значит, что данный словарь плох. Просто он другого типа — 17-томный. Это важный культурный памятник и лингвистический источник своего времени. Он тесно связан со своим временем, с состоянием языка и науки тех лет, когда он выпускался.

Совершенно прав был Ф. А. Абрамов, когда говорил, что надо подумать о названии нового словаря, потому что назвать его «Новый академический словарь русского языка» — плохо. Следующий словарь, который будет издаваться лет через 30, нужно будет называть тогда «новейшим» в отличие от «нового». Ведь он новый только в тот период, когда издается. Так что нужно подумать над названием, чтобы оно было ясное, легкое, простое и запоминающееся.

Теперь о некоторых частностях представленного проекта словаря. В нем особо подчеркивается нормативность. Мне кажется, что с этим нужно быть осторожнее. Ведь в конце концов всякий словарь, даже двуязычный, в той или иной мере нормативен, если вдуматься. Элементы нормативности есть в любом словаре, даже в диалектологическом, и в словаре писателя есть элементы нормативности уже хотя бы потому, что выбор писателя является в известной мере нормативным. И работа писателя над своим языком нормативна, и работа редакторов и корректоров, вносящих свой немаловажный вклад, тоже норма-

тивна. Вместе с тем нормативность очень быстро устаревает и потому с ней надо быть осторожнее.

Язык развивается. И мы не можем давать рекомендации иногда для того или иного слова, отличать нормативную форму от ненормативной. Одно и то же слово в одних стилистических обстоятельствах будет удачным, в других — неудачным и ненормативным. Я думаю, что несколько форм, даваемых на выбор в словаре, необходимы. Слова ведь самого по себе не существует. Даже, если вы произносите, скажем, одно слово *ужас*, то ведь многое зависит от контекста языкового и жизненной ситуации, в которых слово произносится. Слово всегда существует в контексте, если не речевом, то обстоятельственном. Поэтому, когда для словаря она берется только, так сказать, в своей отвлеченной словарной функции, то нужно быть осторожным, так как словарь — это все-таки какое-то искусственное выделение слов. Вот почему особого упора на нормативности делать не следует. Нормативность, если говорить о литературном языке, несомненно будет, но нужно с ней быть осторожней. Как это сделать — пусть думают специалисты. Если вы писателю будете говорить, что именно такая форма рекомендуется, это вызовет у него психологический отпор. Лучше давать при слове детали стилистические пометы.

Нужно очень серьезно подумать об отборе авторов для цитирования. Просто брать известных писателей или писателей, допустим, премированных нельзя. У нас сейчас есть много хороших писателей, которые незаметно для себя, вовсе не в стилистических целях, делают крупные ошибки. Есть писатели, которые не требуют, чтобы их выдвигали в первый ряд, но язык которых поражает своей правильностью, знанием быта, обилием словаря. Ленинградцы хорошо знают В. М. Глинку. Это замечательный знаток быта и русского языка конца XVIII—XIX веков. Работник Эрмитажа, вещевед, он же и писатель. Его произведения отличаются хорошим языком, правильным, точным, огромным количеством слов из самых редких источников. Особенно, скажем, в «Старосольской повести» — старом его произведении.

Затем. Мне, как и некоторым выступавшим ранее на этом совещании, не совсем понятно, что значит «современный язык». Ведь современный язык включает в себе несколько, так сказать, кругов. Один круг — это те слова, которые я употребляю в живой речи, другой круг —

слова, которые я употребляю в письменной речи, гораздо шире. И третий, наиболее широкий, тот, который я понимаю и который является тоже фактом моего языка, хотя слова этого круга я и не употребляю. Пушкин — современный писатель или не современный? Я думаю, что современный. Это наше, я бы сказал, не культурное наследие, а культурная современность. Нужно очень хорошо обдумать вот эти, так называемые хронологические границы. В каждом круге они разные. Ориентироваться ли точно на те слова, которые я фактически употребляю, или и на те, которые я должен понимать? Я — за последнее. Следовательно, словарь Пушкина, с моей точки зрения, должен войти в состав нового словаря.

Здесь принято совершенно правильное решение — не включать научную и техническую терминологию в словарь. В целом это правильно в отношении тех научных терминов, которые можно разыскать в технических энциклопедиях, в технических словарях, в специальной научной и технической литературе. Но есть ремесла, есть промыслы, которые продолжают многие века. И вот их терминология должна войти. Например, сельское хозяйство, охота, рыболовство — то, что всегда обогащало русский язык. Эти промыслы традиционны, и они выработали замечательный красивый язык. Я особенно настаиваю на языке охоты, на охотничьих терминах. С этой точки зрения я бы предложил просмотреть произведения Дряпского и включить их. Затем некоторые журналы, посвященные природе, жизни природы. Далее, такие промыслы и ремесла, как ткачество, портняжное дело, должны учитываться в словаре русского языка. Старый военный язык — это, конечно, специальный язык, который сейчас исчезает, потому что техника военного дела становится совершенно иной. Допустим, у нас сейчас нет кавалерии, а ведь с кавалерией связано очень много интересных слов и идиоматических выражений, которые полезно знать. Авторы, описывающие, например, первую мировую войну, делают много языковых ошибок.

В некоторых произведениях кавалерия выступает под звуки оркестра, что совершенно невозможно. В кавалерии оркестр назывался «хором трубачей». Здесь также нам очень мог бы помочь такой знаток быта, как В. М. Глинка, или Н. М. Дылевский, который специально много лет собирает старые военные выражения.

Теперь относительно фразеологизмов и идиоматиче-

ских выражений. Мне кажется, что выделять отдельные тома для фразеологизмов не нужно, потому что это совершенно другой словарь, который должен строиться на других принципах и иметь другие задачи. В конце концов фразеологизмы нельзя отделить от других идиоматических выражений. В словаре важно отразить не только значение слов, но и употребление. На этом правильно настаивал в свое время Б. А. Ларин. Оправдательные цитаты тем и важны, что они демонстрируют употребление слова. Но отделить идиоматические выражения от фразеологизмов очень нелегко, и поэтому я бы сказал, что идиоматике в словаре нужно придавать такое же значение, как, скажем, морфологии, фонетике и т. д., не выделяя идиоматизмы в отдельные тома.

Последнее, о чем я бы хотел сказать: о лексикографической работе в целом, об интересе к ней молодежи, о появлении новых специалистов в этой области, о пополнении рядов лексикографов. Если словарники будут заниматься только словарями, непосредственной словарной работой — это плохо. Словарник должен одновременно заниматься и такой работой, которая рекомендовала бы его как ученого в своей области. Нужна научная работа и наряду со словарями параллельное издание таких сборников, как, скажем, «Лексикографические бюллетени». Может быть, следовало бы назвать только это издание как-нибудь иначе, менее сухо. Одним словом, каждому работнику словаря, выборщику или составителю статьи для его внутреннего роста нужно давать возможность вести еще и научную работу, иметь научный план. Это обязательно. Только тогда у нас качество работы над словарями повысится. Словарник должен быть научным работником, ему нужно дать возможность вести исследования и защищать диссертации. Тогда мы по-настоящему заинтересуем талантливую молодежь работой в словарях и повысим уровень лексикографических трудов.

Высокий уровень словарной работы в стране — самый важный показатель языковой культуры.

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ